

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1897.

ОКТАВРЬ.— НОЯБРЬ.— ДЕКАВРЬ.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ

39

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1897.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1898 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» читатели найдутъ личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библиографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и рассказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе рассказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивныя документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благоклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, небывшія подписчиками въ 1895 и 1897 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., прилачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «РУССКУЮ СТАРИНУ» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

ВЫШЕЛЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ

РУССКОЙ СТАРИНЫ

ЗА 1891 — 1896 Г.Г.

СЪ ПЯТЬЮ ПОРТРЕТАМИ.

Третье прибавленіе къ систематической росписи «Русской Старины»
изданной въ 1885 г.

Цѣна съ пересылкою: для подписчиковъ «Русской Старины» 1 руб.,
а для всѣхъ остальныхъ 1 руб. 50 коп.

Съ требованіемъ слѣдуетъ обращаться въ контору редакціи журнала
«Русская Старина»: Фонтанка, д. № 145.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку указателя только передъ
тѣми лицами, которыя обратятся съ требованіями въ ея контору.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка.

Редакція считаетъ долгомъ заявить, что Указатель напечатанъ въ
ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Къ воспоминаніямъ объ А. А. Катенинѣ.

Въ январской книжкѣ «Русской Старины» настоящаго года помѣщены интересныя, проникнутыя правдой и добрымъ чувствомъ воспоминанія г. П. Юдина о бывшемъ генераль-губернаторѣ Оренбургскаго края Александрѣ Андреевичѣ Катенинѣ. Свою статью г. Юдинъ заканчиваетъ словами: «память объ А. А. Катенинѣ въ Оренбургскомъ краѣ долго не угаснетъ, особенно въ сердцахъ уральскихъ казаковъ, которые многимъ обязаны ему и которые отъ офицера до послѣдняго казака и до сей поры съ благодарностію вспоминаютъ о немъ».

Эти строки, по отношенію къ уральцамъ, живо припомнили мнѣ прошлое изъ первыхъ лѣтъ моей службы и тѣ обстоятельства, которыя сопровождали послѣднюю поѣздку Александра Андреевича по Уральскому войску въ 1860 году. Находясь на службѣ въ Оренбургскомъ краѣ и состоя лично при генераль-губернаторѣ, я сопутствовалъ ему въ означенной поѣздкѣ, за правителя канцеларіи. Насъ было тогда при немъ двое: начальникъ штаба, генераль Данзасъ ¹⁾ и я. Эта поѣздка, какъ извѣстно, повлекла за собою смерть дорогаго начальника края. Вернувшись изъ объѣзда, 23 іюня вечеромъ, Александръ Андреевичъ почувствовалъ себя нехорошо и на слѣдующій день, рано утромъ, его уже не стало... Такой скорой кончины, глядя на человѣка совершенно здороваго, никто, конечно, ожидать не могъ, но первыми предвѣстниками роковаго исхода, вѣроятно, были тѣ болѣзненные ощущенія, на которыя А. А. жаловался еще въ пути. Такъ по возвращеніи изъ Гурьева въ Уральскъ, въ ночь на 21-е, А. А. почувствовалъ сильную боль въ лѣвой сторонѣ груди и особенно въ лѣвой рукѣ, которая мѣшала ему спать.

¹⁾ Впослѣдствіи предсѣдатель главнаго военнаго суда.

Меня разбудили, по желанію генерала, и я оставался при немъ до ранняго утра, читая вслухъ какую-то французскую книгу, которая какъ будто его развлекала, но и черныя мысли тревожили его, и хотя онъ не желалъ позвать доктора, говорилъ, что всё эти боли—пустяки, къ утру пройдутъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ припоминалъ бывшіе въ родѣ Катениныхъ случаи смерти отъ аневризма и говорилъ, что его отецъ также умеръ отъ разрыва сердца... Къ утру дѣйствительно боли стихли, и А. А. опять, какъ всегда, предсталъ передъ всѣми съ своимъ обычнымъ молодецкимъ видомъ.

А. А. Катенинъ былъ настолько обятеденъ въ своемъ обращеніи, умѣлъ столь искренно привязывать къ себѣ, что каждый изъ бывшихъ его подчиненныхъ въ Оренбургѣ хранить, конечно, въ своемъ сердцѣ самое теплое къ нему чувство и благодарно чтить его память. Понятно поэтому, съ какимъ интересомъ я прочелъ упомянутыя воспоминанія, и такъ какъ это чтеніе совпало съ моимъ пребываніемъ въ деревнѣ, то и вызвало желаніе пополнить ихъ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ находящихся у меня здѣсь же подъ рукою, моихъ личныхъ архивныхъ бумагъ.

Вскорѣ послѣ кончины А. А. Катенина мною была написана и помѣщена, подъ моими инициалами М. Г., статья въ «Русскомъ Инвалидѣ»¹⁾ подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ по поводу поѣздки по Оренбургскому и Уральскому казачьимъ войскамъ». Вотъ что, между прочимъ, писалъ я тогда:

«Въ іюнѣ (1860 г.) я сопровождалъ недавно скончавшагося генералъ-губернатора Оренбургскаго края, генералъ-адъютанта Александра Андреевича Катенина, въ поѣздкѣ его по Оренбургскому и Уральскому казачьимъ войскамъ.

«До 1857 года, до назначенія въ Оренбургскій край генерала Катенина и до пріѣзда въ Уральскъ новаго атамана Столыпина²⁾, въ Уральскомъ войскѣ находилось одно только учебное заведеніе — войсковое училище въ г. Уральскѣ, въ которомъ число учениковъ низошло до 60 человекъ, вмѣсто 120, обучавшихся въ немъ прежде. Прискорбно такое явленіе, но не утѣшительно было, по населенію войска въ 70.000 душъ обоюга пола, и первоначальное число учениковъ; а чтобъ увеличить его и образовать женъ и матерей семействъ—нужно было бороться съ вѣковымъ застоємъ всего войска, съ самымъ грубымъ расколомъ, въ которомъ коснѣютъ отцы молодаго поколѣнія, съ предубѣжденіемъ ихъ противъ гражданской грамоты, наконецъ, и съ отчужденіемъ ихъ другъ отъ друга въ житейскомъ даже быту. Я разумѣю здѣсь, какъ и вездѣ послѣ, большинство — массу, а не исключенія, встрѣчаемыя въ ураль-

¹⁾ 18 октября 1860 г. № 224.

²⁾ Нынѣ генералъ-адъютантъ, оберъ-камергеръ, завѣдующій придворною часгію въ Москвѣ.

скомъ обществѣ и въ особенности въ уральской молодежи. Она чувствовала сильное желаніе учиться, но не находила ни сочувствія, ни удовлетворенія своему стремленію. Итакъ, вообще не легка была задача, предстоявшая новому начальству; но три года прошло—и дѣло образованія въ Уральскомъ войскѣ подвинулось значительно впередъ. Войсковое училище въ г. Уральскѣ преобразовано: при немъ открытъ спеціальнѣй классъ для юнкеровъ и заведена школа въ родѣ приготовительнаго училища. Число воспитанниковъ въ заведеніяхъ возросло до 234, изъ коихъ 25 содержалось на войсковой счетъ. Въ Сакмарской станицѣ, Илекскомъ и Гурьевѣ городкахъ и на Чижинской дистанціи были образованы особыя отдѣленія войскаго училища. Съ 6-го декабря 1859 года открыто въ Уральскѣ духовное училище. Сверхъ того, по форпостамъ Уральской линіи заведено до 80 школъ. Затѣмъ, кромѣ 30 вакансій, предоставленныхъ войску въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, 6-ти въ столичныхъ корпусахъ и 3-хъ въ Московскомъ коммерческомъ институтѣ, 5 мальчиковъ помѣщены въ 1-ю Казанскую гимназію и одинъ въ С.-Петербургскую, а одинъ офицеръ и студентъ семинаріи—оба изъ природныхъ казаковъ—отправлены въ Казанскій университетъ для слушанія лекцій. Наконецъ, многіе казаки городского полка обучались грамотѣ по нѣсколько измѣненной методѣ Золотова. Для обученія казачьихъ дочерей открыто было въ Уральскѣ дѣвичье училище и въ видѣ отдѣленій его были еще школы: двѣ въ Уральскѣ и по одной въ Илекскомъ и Гурьевѣ городкахъ, и кромѣ того, 6-ть дѣвицъ учились въ Оренбургскомъ Николаевскомъ институтѣ. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ число учащихся доходило: мужскаго пола до 1.800 чел. и женскаго 130 чел., всего до 1.930 чел.

«Такимъ образомъ число учащихся увеличилось въ три года болѣе чѣмъ въ 30 разъ. Сверхъ того, по просьбѣ казаковъ, живущихъ въ Уральскѣ и не желавшихъ отдать своихъ дѣтей ни въ войсковое училище, ни въ состоящую при немъ школу, разрѣшено было имъ открыть 4 частныя школы, въ которыхъ число учениковъ доходило до 140.

«Въ нѣсколькихъ десяткахъ этихъ школъ я присутствовалъ при экзаменахъ, которые дѣлалъ генералъ Катенинъ. Во многихъ мѣстахъ, по тѣснотѣ школьныхъ помѣщеній, экзамены происходили, несмотря на палящій жаръ, или на дворѣ передъ школой, или на площади, и тогда родители учениковъ и все жители, окружая воспитанниковъ, имѣли возможность прислушиваться къ ихъ отвѣтамъ, и ужъ не духъ сопротивленія видѣлся въ ихъ глазахъ и проявлялся въ ихъ движеніяхъ, а какое-то изумленіе и даже чувство радости. Не на одномъ лицѣ дряхлаго старика или старухи-казачки, доживающихъ, повидимому, вѣкъ среди самыхъ грубыхъ понятій и предрасудковъ, видѣлъ я выраженіе удовольствія при словахъ хвалы и одобренія, которыми привѣтство-

валь Катенинъ ихъ сыновей или внуковъ. Чувство родительское бразо тутъ верхъ надъ всякимъ другимъ. Катенинъ же—надо сказать—умѣлъ и похвалить, и приласкать дѣтей и умѣлъ возбудить сочувствіе въ слушавшей средѣ. И не одинъ казакъ рассказывалъ ему, какъ бразъ изъ школы сына на ярмарку въ Уральскъ, и какъ онъ былъ ему полезенъ знаніемъ счетоводства и письма. Вотъ и послѣдствія того принужденія при помѣщеніи дѣтей въ школы, къ которому прибѣгало мѣстное начальство въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Мнѣ еще живо помнится, какъ въ однои форпостѣ приходилъ къ Катенину одинъ старикъ-раскольникъ съ жалобой на помѣщеніе сына его въ школу. Генераль хотѣлъ было сначала убѣдить старика, но когда все старанія оказались напрасными, онъ приказалъ уволить мальчика изъ школы, и старикъ, конечно, обрадовался, но что было при этомъ особенно трогательно—это слезы его сына, не желавшаго оставлять ученья.

«Экзаменные отвѣты воспитанниковъ войсковаго училища изъ всехъ почти означенныхъ предметовъ были очень удовлетворительны; нѣкоторые же юноши отвѣчали такъ хорошо и такъ сознательно, что нельзя было не отдать справедливости ихъ учителямъ, молодымъ офицерамъ, большею частію воспитанникамъ Оренбургскаго Неплюевского кадетскаго корпуса, добровольно взявшимъ за нелегкую обязанность преподавателей. Та же, если еще не большая, дань удивленія способностямъ и сдѣланному успѣху слѣдуетъ, по всей справедливости, и воспитанницамъ Уральского дѣвичьяго училища.

«Экзамены въ обонхъ этихъ заведеніяхъ заключились общимъ для нихъ актомъ, бывшимъ 12-го іюня вечеромъ. Актъ открылся рѣчью смотрителя войсковаго училища, войсковаго старшины Курилина и кончился танцами, въ которыхъ приняли участіе. вмѣстѣ съ выпускными учениками и ученицами, и многія дамы-уралки въ своихъ національныхъ костюмахъ. Какъ хороша была рѣчь Курилина, такъ-же весельи разнообразень былъ конецъ акта. Въ рѣчи своей Курилинъ прослѣдилъ подробно дѣятельность начальства по образованію училищъ, коснулся прекрасно своихъ народныхъ предразсудковъ, тѣхъ препятствій, которыя представлялись въ настоящемъ дѣлѣ, а также и тѣхъ пожертвованій, которыя были необходимы; потомъ высказалъ онъ и разные виды и надежды свои на будущее и, наконецъ, обращаясь къ генералу Катенину, закончилъ словами, врѣзавшимися въ моей памяти: «не намъ, казакамъ, но дѣтямъ нашимъ оцѣнить все то, что теперь сдѣлано у насъ на пользу народнаго образованія»... Всеобщіе крики «да здравствуетъ главный начальникъ края», да нескончаемые возгласы «ура!» были отвѣтомъ на вызовъ Курилина.

«Не панегирикъ пишу я здѣсь и не некрологъ покойнаго генерала; но радъ и счастливъ—скажу откровенно—что могу, при настоящемъ

случаѣ, привести хотя одно изъ данныхъ въ доказательство его заботливой дѣятельности на пользу Оренбургскаго края вообще. Есть начальники, которые не умираютъ въ памяти подчиненныхъ и народа... Такъ особенно славна и свѣжа у насъ доселѣ, спустя почти 50 лѣтъ, память о графѣ Сухтеленѣ. Рядомъ съ нимъ, въ оградѣ Петропавловской церкви, похоронили мы и Катенина, подобно же ему, всего три года управлявшаго краемъ. И Катенинъ, также какъ и Сухтеленъ и Перовскій, приобрѣлъ у насъ навсегда неотъемлемое право на добрую и дорогую о себѣ память.

«Говоря объ актѣ, я не сказалъ еще ни слова о присылкѣ, въ продолженіе его, къ атаману отъ живущаго въ Уральскѣ большого казака есаула Тамбовцева денегъ на учрежденіе въ Петербургскомъ университетѣ стипендіи для уральскихъ казаковъ. Пожертвованіе г. Тамбовцева такъ убѣдительно говорить за себя, что, не распространяяся болѣе о немъ, мнѣ остается только выразить желаніе, чтобы оно нашло себѣ отголосокъ въ простомъ населеніи Уральска».

Здѣсь говорилось только объ одной изъ самыхъ малыхъ частей управленія краемъ и упоминалось лишь, сообразно размѣру статьи, о томъ, что могло представить и большій, и болѣе общій интересъ; а сколько нашлось бы для этого данныхъ и во всѣхъ другихъ частяхъ управленія и тѣмъ болѣе, чѣмъ они обшириѣе и разнообразиѣе.

М. Галкинъ-Враской.

